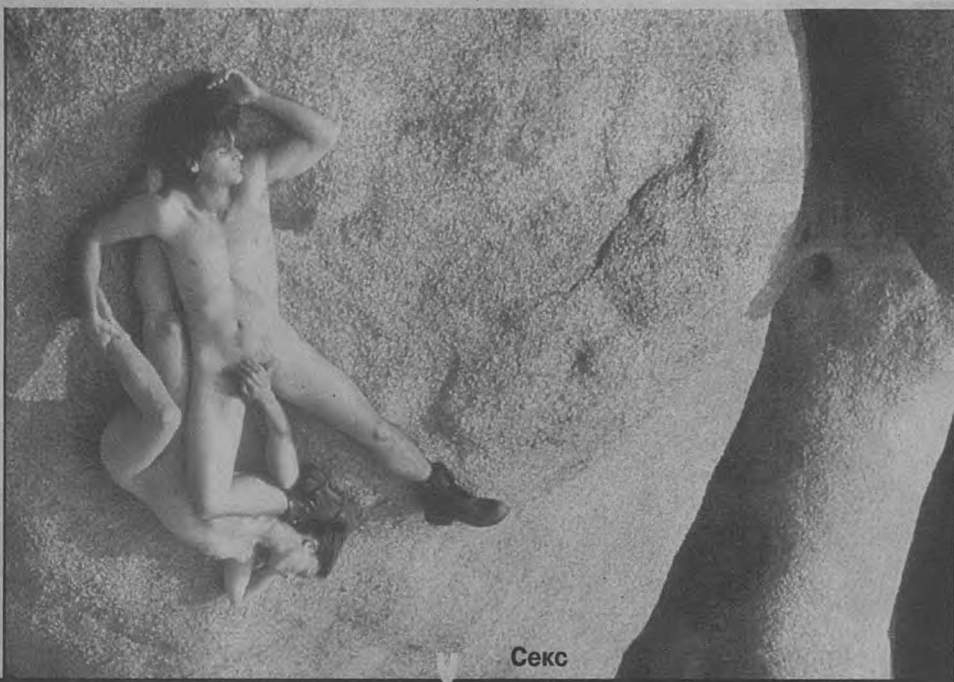

Бруно Дюмон был до некоторых пор малоизвестным французским режиссером. Пока не снял фильм, который журналисты окрестили в Европе "фильмом-шоком" и "фильмом-скандалом". Критика писала про сплошной натурализм и 30 минут натурального секса без кинематографических эротичных прикрас. И про абсурдные диалоги, которые на ходу придумывали сами актеры — Дэвид Уиссак и русская актриса Катя Голубева.

Про скандал, секс и абсурд — все совершеннейшая правда, но и это еще не все. "Я хотел сделать фильм ужасов, и я его сделал", — вот что заявил корреспонденту "МК" режиссер Бруно Дюмон о своих "29 Пальмах" в эксклюзивном интервью по телефону, взятом накануне московской премьеры, которая состоится сегодня.

Секс

Режиссер

НАТУРАЛЬНЫЙ

Актриса

РУССКИЙ

СЕКС

во французском фильме-скандале — сегодня в Москве

— Месье Дюмон, почему Америка? Почему пустыня? Почему "29 Пальм"?
— "29 Пальм" — потому что так называется маленький город в калифорнийской пустыне. Это место, которое заставило меня при первом моем с ним знакомстве почувствовать настоящий страх. Именно там я понял, что хочу сделать фильм ужасов. И написал сценарий за две недели.

— Как вы подбирали главных героев?
— По очень простому принципу: я хотел, чтобы они имели как можно меньше отношения к актерской школе — то есть штампам, правилам и законам актерского мастерства.

— А разве Екатерина Голубева не актриса?

— Актриса, хотя я не видел ее прежних фильмов. Но для меня было важно иметь на площадке не актеров, а личности. Катя — профессионал, но сама по себе она также и личность. И психологически она отлично соответствовала своему персонажу: у нее сильный характер, и она умеет импровизировать. На кастинге я пересмотрел много актрис, но, познакомившись с Катей, решил на ней остановиться: я задал ей несколько вопросов о жизни и сразу понял, что нашел главную героиню. И мне было все равно, что она плохо говорит по-французски. Наоборот, это только помогло показать ее внутренний мир.

— Правда, что актеры в фильме снимались без репетиций и сами придумывали диалоги?

— Правда. Для меня самой главной задачей было найти актеров. Как только я их нашел, никакой сложной работы уже не оставалось: актеры делали то, что считали нужным, — они сами по себе персонажи, они играли самих себя, они говорили то, что считали нужным. Да, иногда диалоги абсурдны, но я и хотел абсурда. Я специально не выделял ничего и никого — ни персонажей, ни пейзажи, ни

музыку, ни историю, ни диалоги. Главным для меня в фильме стал зритель: это он должен был работать головой. Вот почему я не требовал от актеров ни остроумных диалогов, ни красивых поз. Наоборот, я хотел видеть настоящую жизнь влюбленной парочки.

— Катя и Давид правда занимались любовью перед камерой?

— А вы как думаете?

— У меня было впечатление, что да, натурально это делали.

— Ну, значит, так оно и было. Если так видится зрителю, значит, так и было все, нату-

рально. В кино что важно? Правда, натуральность, естественность, реалистичность.

— Знаете, глядя на эту реалистичность, мне хочется использовать красивое словосочетание "заниматься любовью", а слово "трахаться". Потому что в вашем кино герои трахаются все время и везде. Некрасиво, натуралистично и чересчур естественно для кино.

— Это нормально, потому что я не снимал эротический фильм. Мне вообще не интересны фильмы, где показывают красивые картинки. Жизнь — она другая. Поэтому я вынимал из любовных сцен мягкость, чувственность — все, кроме чего-то одного, например, насилия. И оставалась реальность.

— Чтобы шокировать?
— Я не хочу никого шокировать. Я только воспроизвожу реальность.

— Но вы не можете отрицать, что из-за этой реальности фильм получился настоящим скандалом.

— Вы так думаете?

— Еще бы я так не думала: фильм ужасов, психологическая драма, построенная на... на... на фрейдизме, если хотите. Мне даже сложно описать, какую смесь чувств я ощущала во время просмотра.

— Подождите-подождите. Не нужно бояться этих чувств! Я хотел, чтобы зритель не боялся этих ужасных ощущений. Вообще страха не нужно бояться, страх необходим: если вы побеждаете его в кино, вы победите его и в жизни. Это теория катарсиса. Освобождение человека от чего-либо с помощью кино.

— И для этого в качестве инструмента страха вы использовали секс и насилие?

— Я ничем не шокировал зрителя. Это зритель шокировал сам себя. Я не показал ничего порнографического или ужасного! Но в то же время фильм производит именно такое двойственное впечатление. Почему? Потому что все рождается в голове зрителя.

Я хотел сделать фильм ужасов. Но совершенно другими, непривычными методами: когда зритель не видит причину ужаса, но явственно этот ужас чувствует. Вы смотрите фильм и чувствуете ужас от того, что почти весь фильм ничего не происходит, правда? Воображение зрителя настолько богато, что оно не нуждается в дополнительном спектакле и в дополнительных объяснениях.

— Я читала, что фильм был запрещен в Канне...

— Это правда...

— ...и что на Венецианском фестивале зрители и журналисты, не говоря уж про жюри, были в шоке.

— С тех пор как Берлускони пришел к власти, итальянцы вообще стали невероятными консерваторами.

— А почему Катя не была на просмотре и презентации фильма? Говорят, она испугалась неадекватной реакции прессы на фильм?

— Это тоже правда. В фильме она сыграла саму себя. Это сложно, тяжело для любого актера. И естественно, что ей стало страшно. Она посмотрела только две первые минуты и сразу ушла. Без слов. Для нее это была очень тяжелая работа, и я понимаю, как ей тяжело было смотреть на себя на экране.

— А какой Катя была во время съемок?

— Она была инферальной.

— А вне съемок?

— Она была абсолютно такой же, как и на площадке. Она точно такая же, какой вы ее видите в фильме.

— Месье Дюмон, скажите честно, положите руку на сердце: кто вас вдохновил на такое кино?

— Место. Место, от которого делается страшно. Место под названием 29 Пальм.

Вика САРЫКИНА.

Рецензию на "29 Пальм" и расписание кинотеатров, в которых с 11 марта демонстрируется фильм, см. в "Афише" на 8-й стр.

Отношения

